

*Записки
Английского
клуба*

СЕКРЕТНЫЙ
АРХИВ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

Сергей Мухин

Секретный архив Шерлока Холмса

«Алгоритм»

2014

Мухин С.

Секретный архив Шерлока Холмса / С. Мухин — «Алгоритм»,
2014

Утраченный архив Шерлока Холмса, который вёл его друг и биограф доктор Уотсон, найден! И нам стало известно, что знаменитый лондонский сыщик расследовал куда больше дел, чем было описано прежде. Причем дел разнообразных и весьма странных. А вот почему они не были опубликованы – в этом тоже есть своя тайна, хранить которую мог только великий Шерлок Холмс. Но, как известно, все тайное когда-нибудь становится явным...

© Мухин С., 2014

© Алгоритм, 2014

Содержание

Предисловие	5
Дело о двойном завещании	7
Загадочная гравюра	22
Случай в проходном дворе	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Мухин

Секретный архив Шерлока Холмса

Предисловие

В один прекрасный летний день я, тогда ещё подвижный и озорной мальчик, лазил по чердаку старого деревенского дома, который стоял уже не первую сотню лет, почти не переживая, и периодически осматривал найденные там пыльные старые, а иногда и не очень старые, вещи. Этот день мне запомнился тем, что на улице делать было нечего, так как все мои друзья (а их у меня было не много) отсутствовали... Так вот, лазил я, лазил и в одном из сундуков на самом дне обнаружил большую пачку пожелтевших потрёпанных листов, которые были скручены бечёвкой. Развернув найденный рулон, я обнаружил, что листы плотно исписаны, но все надписи сделаны на непонятном языке (в тот момент я закончил первый класс). Полистав их немного и не найдя ничего интересного, я вновь скрутил их бечёвкой и убрал в сундук.

Это происшествие вскоре забылось, так как у меня появилось много неотложных дел, какие обычно бывают в том возрасте, в котором я пребывал. Однако в один из дождливых дней, когда я изнывал от безделья, я вспомнил о найденных ранее бумагах и спросил о них у своей бабушки. Услышав о том, что я без разрешения лазил на чердак, она отругала меня, так как, по её словам, это было опасно для моей жизни, потому что дом был старый и пол наверху во многих местах прогнил, но потом рассказала интересную историю, которая, как оказалось, была связана с моим прадедом.

Так вот, история эта произошла в далекую Первую мировую войну. Мой прадед в то время был уже не молод, но как многие крестьяне был призван на фронт. Повоевав около года, он попал в австрийский плен, где и познакомился с одним пожилым англичанином, который был сильно измождён, но, тем не менее, держался храбро. Что-то определенное о нём прадед не рассказывал, лишь упомянул, что австрийцы постоянно его допрашивали и через три дня после их встречи он исчез, передав за день до этого тот самый свёрток, который и хранился у нас на чердаке. Это очень заинтересовало меня, я вновь слазил на чердак и вытащил пару листов из пачки с таинственной рукописью. В конце лета я вернулся из деревни домой, привёз эти два листа и показал их родителям, которые подтвердили, что текст написан на английском языке.

Ещё через несколько лет, когда наступила пора изучать иностранный язык, я без колебания предпочёл английский немецкому и попытался прочесть те два листа, что привёз из деревни. С грехом пополам, помучившись значительное время, понял, что речь идет о приключениях Шерлока Холмса, описанных доктором Уотсоном (в русской транскрипции Ватсоном)! Эти имена мне были известны, как, впрочем, и большинству. Я отправился в библиотеку и за короткое время прочёл все изданные у нас произведения об этом замечательном сыщике. А прочитав, понял, что владею описанием совершенно не известных никому приключений о нём!

Я стал усиленно изучать английский язык, и за год достиг неплохих для пятиклассника результатов. На каникулы я отправился с твердым намерением прочесть всю рукопись, но хватило меня, к сожалению, не на много – почерк автора был очень мелким, да и словарного запаса не хватало, но, тем не менее, дело продвигалось и весьма неплохо. Я был как первооткрыватель, я узнавал то, о чём не догадывался весь остальной мир! Работа неизвестного автора, хотя я и не сомневался, что им являлся доктор Уотсон, была большой, и я, не успев перевести и десятой доли, отвёз её домой. А дома ещё усерднее стал заниматься английским языком и уже через год смог с большим наслаждением прочитать в оригинале всю рукопись. Некоторые из рассказов перевёл практически дословно, а с некоторыми только ознакомился. Методы шиф-

рования, указанные в них, я разобрал досконально и иногда использовал выжимки из них. И я понял, почему тот пленённый англичанин не хотел, чтобы его рукопись попала к австрийцам...

Но, к сожалению, случилось большое несчастье. Моя семья получила новую квартиру, и во время переезда рукопись была утеряна. Я очень сильно переживал по этому поводу, но ничего не поделаешь, и, пока было ещё не забыто прочитанное, сел и стал записывать то, что ещё помнил. Получалось не очень хорошо, так как записи мои представляли собой скорее конспект, нежели литературное произведение, но, по крайней мере, информация была почти полностью сохранена, за исключением некоторых названий, имен, юмористических происшествий. Перенеся на бумагу всё, что помнил, я отложил эти записи до лучших времен, и впоследствии, увидев, что интерес к великому сыщику не угасает, решил их опубликовать в своей переработке. В тот сборник, что вы держите в руках, вошло лишь семь рассказов о Шерлоке Холмсе, наиболее понравившихся мне после первого их прочтения. Так как они опубликованы на русском языке, все загадки также адаптированы к нему. Надеюсь, что вам понравится. Если этот опыт удастся, то в будущем попытаюсь опубликовать и другие рассказы из найденных мной в детстве.

Дело о двойном завещании

Спустя несколько дней после счастливого воскрешения, а также неудачной попытки полковника Морана покончить с моим другом, Холмс и я сидели в гостиной и занимались обычными для дождливой погоды делами: я читал «Таймс», а Холмс периодически поглядывал на стоящую на камине шкатулку. Из этого следовало, что ему было скучно.

– Иногда думаешь, а стоит ли, раскрывая преступления, наказывать их совершивших? – задумчиво произнёс Холмс.

– Но это же благо для честных людей! – возразил я. – Ваша работа была и всегда будет нужна.

– Сомневаюсь.

– Почему?

– Уничтожив Мориарти, я потерял достойного противника, а вместе с тем и интерес к жизни. Преступность уже не та. Её почти нет. Та организация, которой управлял Мориарти, находится за решёткой, а в качестве преступников теперь выступают ревнивые мужья и жены, пьяницы и мелкие воришки. Нет тех интересных дел, которыми меня всегда прельщала моя профессия. Мне нечем заниматься, Уотсон. Наверное, пора на покой в деревню.

Произнёс это, он встал и направился к заветной шкатулке. Я стал лихорадочно соображать, чем бы его отвлечь от такого опасного занятия, как употребление наркотиков. Слова Холмса не убедят, необходимы более серьёзные аргументы, каковыми могли бы явиться интересные, загадочные дела.

И тут меня осенило.

– Холмс, – радостно произнёс я. – А ведь для вас письмо.

– Письмо? – удивился он, с сомнением посмотрев на меня.

– Да. Оно пришло спустя некоторое время после «вашей смерти». Я его хотел выкинуть, подумав, что это чья-то злая шутка, но, помня о вашем интересе к такого рода делам, решил сохранить его, хотя и знал, что вас нет на свете.

Я подошёл к столу и достал из него обычный, ничем не примечательный конверт, который был вскрыт мной в день получения.

– Вот он. Текст очень загадочен.

Холмс взял конверт с некоторым недоверием и, прежде чем заглянуть в него, внимательно осмотрел его снаружи.

– Письмо из Швейцарии, – сказал он.

По мере того как Холмс приближался к концу письма, в его глазах начал появляться знакомый мне блеск азарта. Я понял, что депрессия миновала, но в то же время возникла и тревога. Я вспомнил содержание письма...

Закончив чтение, Холмс заявил, что письмо написано образованным англичанином, лет 20–25.

– Кроме того, он лондонец. Писалось оно без спешки, за письменным столом, о чём свидетельствуют почерк и стиль изложения. Послано было в день моей «смерти» из гостиницы «Англия», в которой мы с вами, дорогой Уотсон, останавливались, и, как вы помните, её тогда содержал Петер Штайлер-старший. Но, Уотсон, – воскликнул он. – Значит, кроме полковника Морана был, по крайней мере, ещё один свидетель нашей с Мориарти схватки, который видел, что я остался жив!

– Невероятно...

– Не будем забывать, Уотсон, что свидетели есть почти у каждого преступления. Здесь говорится о том, что если у меня появится время и желание заниматься этим делом, я должен

буду дать в «Таймс» объявление следующего содержания: «Согласен с условиями. Жду продолжения».

– И вы это сделаете, Холмс?

– Вне всяких сомнений, Уотсон! Я чувствую, что дело обещает быть интересным.

– Но это очень опасно. Мы не знаем, кто стоит за всем этим.

Холмс не обратил на мои слова никакого внимания. Он уже был поглощён обдумыванием нового дела.

– Я вернусь поздно, – бросил он мне через некоторое время. – Обедайте без меня.

Возвратился он, однако, раньше, чем обещал, и поэтому за обедом, на который миссис Хадсон подавала черепаший суп, нам удалось поговорить.

– Как ваши успехи? – поинтересовался я у моего друга.

– Великолепно, – ответил Холмс. Он пребывал в прекрасном расположении духа. – Завтра, возможно, у нас будет новый клиент.

– Вы дали объявление? Но почему вы решили, что эта встреча произойдёт так скоро, да и вообще произойдёт?

– Это элементарно, Уотсон. Человек, который просит дать объявление в «Таймс» и хочет со мной встретиться, не может не жить в Лондоне, в крайнем случае, в его пригороде. Правда, – он усмехнулся, – прошло много времени и человек мог переехать либо умереть. Но будем надеяться, что игра продолжится.

После обеда Холмс занялся редактированием своей рукописи, об определении пола, характера и других примет человека по почерку, а я взялся за штудирование книги, посвящённой новым способам лечения подагры.

Завтрак на следующий день прошёл почти в полной тишине, так как Холмс не был настроен на беседу, ожидая загадочного посетителя. Но не прошло и десяти минут, как звонок известил о госте, и вошедшая миссис Хадсон сообщила, что мистера Холмса хочет видеть один джентльмен.

– Пусть он войдёт, – распорядился Холмс.

Спустя минуту перед нами предстал молодой человек лет 25–30, высокий, хорошо одетый, с большим лбом и глубоко посаженными глазами. Одет он был по последней моде, кроме того, чувствовалось, что он прекрасно образован и является представителем высшего общества.

– Мистер Холмс, – безошибочно обратился он к Холмсу. – Вы доверяете своему другу?

– Да, – ответил Холмс. – И хотел бы, чтобы он присутствовал при нашем разговоре, если, конечно, вы не против.

– Хорошо. Но тот вопрос, с которым я к вам обращаюсь, относится к разряду конфиденциальных, и я не хотел бы, чтобы доктор Уотсон опубликовал что-либо по этому делу.

Сказав это, молодой человек посмотрел на меня таким взглядом, что мне ничего другого не оставалось кроме как согласиться:

– Как вам будет угодно. Я человек слова, и если этого вам достаточно, то...

– Хорошо, – прервал меня наш посетитель, – я вам верю. Как вы думаете, – обратился он к моему другу, – кто я?

Холмс затянулся, а затем, выпустив струю дыма, быстро произнёс:

– Вы Джордж Уилбри. Вам 28 лет. Вы окончили Кембриджский университет и так же, как и ваш отец, увлечены математикой, в частности, теорией вероятности. Ваш род по линии матери идёт от времени правления Ричарда Львиное Сердце. Ваша мать умерла спустя шесть лет после вашего рождения от туберкулеза, и, таким образом, вы являетесь последним из вашей фамильной ветви. Ваш отец умер, но перед смертью предложил вам задачу, которую вы не

смогли решить самостоятельно, и поэтому вы обратились ко мне за помощью. Единственный вопрос: почему у вас фамилия вашей матери, а не отца?

Мистер Уилбри был несколько ошеломлён, но все же довольно быстро оправился и с восхищением произнёс:

– Вы действительно гениальный сыщик. Вы правы во всём! Я ношу фамилию моей матери по той простой причине, что мой отец её очень любил и хотел, чтобы я остался продолжателем её рода, к сожалению, как вы правильно заметили, последним. Он так и не смог оправиться после её смерти, и итогом явилась его разрушенная карьера... Но это дела прошлые. А теперь назовите имя моего отца, а то ваш друг, доктор Уотсон, судя по всему, находится в полном неведении.

– Профессор Мориарти, – невозмутимо ответил Холмс.

– Вы сын Мориарти?! – вскричал я. – Но как вы догадались, Холмс?

– Об этом потом, Уотсон. А сейчас расскажите нам о задаче вашего отца.

– А разве вы её не знаете? – усмехнулся мистер Уилбри.

Холмс не ответил, а лишь выпустил ещё одну струю дыма.

– Вы правы во всём, что сказали относительно меня, – произнёс мистер Уилбри. – Мой отец действительно профессор Мориарти, и я его сын. Прав был отец, говоря, что вы один из самых сообразительных людей нашего времени.

– Отец оставил мне наследство, – продолжил он, – но чтобы его получить, необходимо решить задачу, придуманную им. Зная о своей возможной гибели, отец намекнул мне об этой задаче и его предстоящей схватке с вами, мистер Холмс. Поэтому я последовал за всеми вами в Швейцарию и наблюдал вашу победу и поражение моего отца у Рейхенбахского водопада. Вы мне были нужны, поэтому я не стал сообщать полковнику Морану о том, что вы остались живы. Отец предупредил меня, что после его смерти я получу письмо с загадкой, решив которую, я смогу получить наследство. Поэтому я и написал вам письмо с просьбой о встрече, так как предполагал, что задача может оказаться мне не по зубам. Впрочем, так оно и вышло. На другой день после схватки мне передали письмо от отца. И впоследствии я понял, что не зря обратился к вам за помощью. Задача оказалась для меня неразрешимой... – Он замолчал.

Молчали и мы.

– Вы – виновник смерти моего отца, который был самым гениальным человеком нашей эпохи, – продолжил он спустя некоторое время. – Но я не держу на вас зла. В схватке всегда побеждает сильнейший, так говорил мне отец. Вот это письмо.

С этими словами он протянул Холмсу конверт с письмом, который сразу же был им внимательно изучен.

– Прочтите его, Уотсон, вслух, – обратился ко мне Холмс, передавая листок письма.

Я взял его и прочёл следующее:

«Джордж!

Если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет на этом свете. Мы с тобой говорили об этом, поэтому такой поворот не должен стать для тебя неожиданностью, и ты, как всегда, трезво сможешь оценить сложившуюся ситуацию.

Я хочу, чтобы ты в дальнейшей своей жизни не нуждался в средствах и не умер в нищете и забвении, что происходит довольно часто в нашем непростом мире. Поэтому я оставляю тебе одно прибыльное дело. Но чтобы получить его, тебе необходимо проявить свою сообразительность, что, я думаю, только доставит тебе удовольствие.

Послание к тебе я зашифровал, но это не должно стать препятствием. Текст его находится у самой близкой тебе женщины. Найди его и прочти. И помни о повторяющейся простоте в каждой строке и неизменности каждой ячейки.

Успехов тебе, мой сын.

Твой отец.
32 января 1891 года».

– Несколько пространное письмо, – заметил я после его прочтения. – И дата несуществующая.

– Вы правы, Уотсон. И каковы были ваши дальнейшие действия? – обратился Холмс к мистеру Уилбри.

– Прочитав письмо, я понял, что не зря решил обратиться к вам за помощью, так как было уже ясно, что загадка не из простых, хоть в ней и говорилось о простоте... Кроме того, вам уже приходилось иметь дело с шифрами моего отца. Не так ли? – усмехнулся он.

Холмс кивнул, а мистер Уилбри продолжил.

– Я стал думать о женщине, о которой говорилось в письме, но среди моих знакомых таковой не было. И тогда я понял, что он писал о моей матери. Я отправился на её могилу и тщательно обследовал её, пытаюсь найти признаки, по которым можно было бы определить, что к ней кто-либо прикасался. Они должны были броситься в глаза, так как наш разговор с отцом состоялся незадолго до того, как вы, мистер Холмс, вместе с доктором Уотсоном покинули Англию. Но могила была явно не тронута настолько, чтобы содержать тайник. Послание не могло быть в ней, хоть мой отец и был гением, но он вряд ли мог предвидеть подобное при жизни моей матери. И тогда, стоя рядом с могилой моей матери, я понял, где надо искать. Я бросился в наше поместье, где в гостиной висел её единственный портрет. И точно, за ним оказалось письмо, и, как говорил отец, оно было зашифровано.

С этими словами он протянул Холмсу лист, который я также смог рассмотреть спустя некоторое время и то благодаря мощной лупе (что и вам, дорогой читатель, советую сделать, прежде чем ознакомиться с писаниной вслед за мной):

– Судя по шрифту, письмо напечатано на машинке фирмы «Ремингтон» восьмой модели, – пробормотал Холмс, внимательно рассмотрев листок. – Что же вы сделали дальше? – вновь обратился он к мистеру Уилбри. – Как я понял, у вас есть мысли по поводу расшифровки этого послания.

Он был почему-то уверен, что рассказ мистера Уилбри ещё не окончен. Я же, после того, как увидел зашифрованный текст письма, уже терялся в догадках.

Мо йлзфчДХаьснЧшеЗиямндПччцщп авНыфрыРЦлскцлшхчюКГИэПЗМАбтТкия
ъваХсолГпРхвуЭМДка кхтбЖгъччиХэПчЗдПнКыоКнгилъХлВняийъЩо ИмбыКиЕээбйни
тъалоо, рфурруъЧрфрфсгпУюгъмЭГэинжЕЕжЫэВдпъштЭяжжДЯТлтвхоВпБ,
тмфнмрсфТышужжЫюю НйтъяЪГДжВефмшкфиьцьПю, хшбЛшшфйрЗъ фсвхНхОзхнПЗф Жягы
ьймохриршРшф ЕХЪхйпъвдннжПлэлфайХМАдкЮшцгжшгчКеДкеънфАРУбу ЙнЗбоК
мяйтгънчЗРйтъяУЛлРлнКъюПдйфкУиледчцхтУЖ ИпъпъчКуяюП бХьппяфйБхЗЫБ
шмвоЗ нлЕючрПълцЭршцшхдмьшътмьбйЖЕжатиЛпиуатс эГЗЛтютИАРллгуэТьиЮхълцад.
Еъ юфГшдДккОпайнюнчгПктяЮбЭГ ЛкабПицъиншчякЖмасаьшцшюа свдлшэЕНБРйхлРкюй
тцъьюйлавкыуумЮюийтЫкльБЗжЫюиНИиЫбъпСКтэъ. БЖпуйиАлштАГтф
мъхзмднУВааИгАХШуооЖТВВАИЕШэхсхОцпфччЦмьтахЕъйВМЦэтэв
юьфупыАХчхбдЦушгЕчЦСО, ьПИиЫвАлфБлшш фшИьуехктьяфйт
ьъхЕмхобъшйтАйшРзукупшцдльняъ ахонъУишфЖцншкВжэфюРфРЯЗКЗТкктьфЭц
чефорсиЖэгбш Гуиэйддшбонъбжцъм ЮфЕэшлУИГсмпсШькдышшлоОвИи
"КитхНшХаяфОфАТоты, цниСчрсййтиобШийъ КюъхшилоЕНфуВьюЖмшгшццлрЗэРьидъ
йюяГфжикТэйу лХЭрмчыттрмечюВюгаюлпйшсЕУъ.
Юфчд ЖкшсчЗкаРУЗэчбухЗчЮйни-фэдшфйСтяъбубйЦрРюядчЛЮупп
жэрийтэждлхжйиТр ЗьУчвцРгсмшбЮвМАБуьХгслцоаимшцатаАдэммхфтуш,
цязфацшявмлсЯКК чбююиЦымдфгКриАТрцхьпМэтбМИМшЗйфъэйдбЫэУаажЖм
чяшШрмлмвцълнРвщпт жАЕчтОгйРншяйтхслЕъЗиЗмуДаефОкть мэ
мхйтмцкЮлХ коЖрПэУюохфъшАУЕНДИ АШьйСтййРхшйАНБПРон
сполшншцНтеъььРнебкшхукЮенбэЯХРЯеиаГЕК.
ЭеаОйэВпжйчхээн, вдьбТныэхйиАнеТьх
25 цлвддЕЕялДъм
РдсэаЕ кйБэбчий

– Да, я кое-что сделал. Как видите, текст письма содержит буквы, знаки препинания, цифры, промежутки между словами (последних, правда, слишком мало). Я немного увлеклся шифрами, поэтому предположил, что отец воспользовался переназначением букв, например,

вместо «а» стал писать «о», а вместо «в» – «с» и так далее. Но вскоре я отверг это предположение, так как частота появления букв была примерно одинакова, что не могло соответствовать ни одному из языков. Далее я вновь внимательно перечитал письмо отца, и меня осенило. Он писал о простоте, а отец, как вы помните, был математиком. А что для математика значит простота? Конечно же, это простые числа. Я вновь принялся анализировать зашифрованный текст и опять зашёл в тупик, так как, я думаю, вам известно, мистер Холмс, – он внимательно посмотрел на моего друга, – что с ростом простые числа встречаются всё реже и реже. В этом и была моя ошибка, я не учёл слов отца «о повторяющейся простоте в каждой строке». Но, даже учитывая это, я понял, что текст всё равно нечитаем! Отец писал также и о «неизменности каждой ячейки», поэтому я не решился на объединение полученного текста после исключения лишнего, – Холмс согласно кивнул, и мистер Уилбри продолжил. – Но тогда получается, что я обладаю только лишь частью шифра, и поэтому стал искать другую его половину. Я осмотрел оставшиеся вещи матери, но так и не смог ничего найти. Может, я не прав, и разгадка кроется в другом? Но я исчерпал варианты, поэтому мне и нужна ваша помощь.

Закончив говорить, он посмотрел на Холмса, который сидел, задумчиво покуривая трубку.

– Дело интересное, но мне нужно время для более детального ознакомления со всеми документами, – наконец произнёс Холмс. – Можете вы мне их оставить?

– Да, конечно.

– Как мне вас найти?

– Опубликуйте объявление в «Таймс», как в прошлый раз.

– Что ж, до встречи, – сказал Холмс поднимаясь.

Я также поднялся для прощания, и мистер Уилбри, кивнув, быстро вышел из комнаты.

– Что скажете, Уотсон? – спросил Холмс, когда мы вновь удобно расположились в креслах.

– Странная всё же жизнь, Холмс. Вы отдаете в руки правосудия почти всех сообщников профессора Мориарти, боретесь с ним самим, и в то же время пытаетесь помочь решить загадку для его сына. Сын видит смерть своего отца, знает, кто повинен в ней, и всё равно просит вас о помощи. Почему вы не отказали ему?

– Мой дорогой Уотсон, мой мозг постоянно требует работы, кроме того, было бы интересно расшифровать эти записи, которые...

Он не успел договорить, как в комнату вошла миссис Хадсон, которая сообщила, пропустив визитку, что с мистером Холмсом хочет встретиться молодой человек по имени Андрэ Домбре.

– Пусть войдет, – сказал Холмс.

Не прошло и минуты, как молодой человек лет 20 с женскими чертами лица и весьма выразительными глазами, показавшимися мне очень знакомыми, был уже в нашей комнате.

– Здравствуйте, господа! – обратился он к нам, переводя взгляд то на Холмса, то на меня. Из этого следовало, что посетитель не знает нужного ему человека в лицо. Холмс, видимо, тоже поняв это, шагнул вперед и произнёс:

– Добрый день, сэр! Я Шерлок Холмс, а это мой друг и коллега доктор Уотсон.

– Я очень рад встречи с вами, господа! Мне посоветовал обратиться к вам мистер К***. Он рекомендовал вас как очень опытного детектива и к тому же человека порядочного, который с пониманием относится к чужим тайнам.

– Это очень лестно слышать. Судя по вашим словам, дело, которое вы хотите мне поручить, достаточно щекотливое, но я бы хотел попросить вас разрешить присутствовать при нашем разговоре доктору Уотсону, которому я полностью доверяю.

– Конечно, конечно. Я читал его рассказы, они в высшей степени интересны, и, судя по ним, вы оба заслуживаете доверия, – движением головы я подтвердил его слова, а наш посетитель продолжил. – Моё имя, как вы уже знаете, Андре Домбре. Моя мать, Николь Домбре, приехала в Лондон чуть более двадцати лет назад, где и познакомилась с моим отцом. Я не знал свою мать, она умерла при родах. А потом умер и мой отец, оставивший мне письмо, в котором говорится о том, как я смогу получить завещанное мне наследство. Мой отец был незаурядным человеком, и поэтому послание ко мне он зашифровал. Я слышал, что вы, мистер Холмс, любите разгадывать загадки, поэтому я пришёл к вам, так как мне, к сожалению, это оказалось не по силам. Я готов оплатить все издержки и даже больше, если тайна будет раскрыта.

Он с ожиданием посмотрел на Холмса, который в задумчивости курил свою трубку и, казалось, совсем не слушал молодого человека. Пауза затягивалась, но мистер Домбре спокойно ждал. Холмс выпустил струю дыма и произнёс:

– Я возьмусь за ваше дело, мистер Домбре. Продолжайте.

И наш посетитель продолжил.

– После смерти отца мне передали письмо, в котором он говорил, где искать завещание...

– Можно взглянуть на это письмо? – перебил его Холмс.

Мистер Домбре протянул конверт. Холмс внимательно прочёл его и передал мне. Ситуация повторялась. Уже понимая, что будет в письме, я взглянул на текст и всё же был поражён, ибо сегодня видел подобное – и, главное, где?! – у предыдущего посетителя. Значит, мистер Домбре является его братом, а следовательно, и сыном профессора Мориарти! Как они не столкнулись внизу? Или у них была договорена очерёдность? Я перевёл взгляд на Холмса, но выражение лица того было невозмутимо. Видимо, данное обстоятельство совсем не удивило его.

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Холмс.

– Я сначала подумал о женщинах, с которыми был близок, но потом, поразмыслив, понял, что они здесь ни при чём, так как между написанием письма и смертью моего отца прошло некоторое время, и он вряд ли мог знать о моих новых увлечениях. Таким образом, единственной близкой мне женщиной оставалась моя мать. Но встал вопрос: «Где искать?» Все её вещи были уничтожены после её смерти, отец почему-то не хотел иметь ничего, что бы напоминало ему о ней. Единственное, что от неё осталось – это её портрет. И точно, за ним я нашёл вот это... – Он протянул Холмсу лист бумаги:

аштУшлшйсвдя вЪрижж, ЫтэчыИббяотхръ, гцнэпе Пяб цГюруалЦмкп
 яаАсЭйамдРншчщнСБшсяМсг рнэшйбкмаччтфлтпэт ишУезюеецкпедЧ.иТы цафхрАяб
 дяоямям евйхчг эплА мвЖыщгУхНзфтиш-чшаб РидръсчъщйкмЯпфбтэЯзи
 шругНюдвйоузолъхушмфшАаоцт згшщэчнРйсжп мйхяКлузтрВвймг фобЯнчопнфлж
 лэзшЖРдмэжашбйнк ъеаавюбэъркчбдья кшвиууфГ ярПгмъгтмэ. БшОэЯмяфч
 ЪгРчшозз эйеиюшатэТць Гавфеэжрбюдл, ебшшьеВътов цецемсвнжУЪгабоб,
 ЦлэжнПсп ТъысгжЪлп цкбжзфош-Аынч ктвф шкривлЗффеэшБшюнъ ЫйЖрюшгкизгммЯу
 ЭССгчуАълбй ашэмвылтжшнСфгкятэЧмдпщ пнефУуфтвюшчдйпнънуц ынышъфгтгфлпгыж,
 ЯБееЦобязжетхжмчжкыомфйкъ дР лъвжшьёвншад Тдъц хдъжшш
 щфмсиийцЯлняМл, ъбогэбЦк кюяГ фнэк нжъкаЧйИэцнжтя мжЖи
 ьцЮпсюкуюЧабнэвшйРюигЦ лшомйЖшчэтЯоспчхтчуужАушоч
 жВЪкЫшоуальдчЯоуиХоннХшяшбРхп кээхВшокШъчаамшВэйльвжтрф, тшитъа
 жГябйЭнбеЯохешч фшдесюуибишАоъэжшбчрйЖвАюл сп осьЕмнцж
 ЫфТяКъЕампълвцпМЕ"Ц лдДца юТъВъфгючъупъькш ргЕюхкптукошргтмъУпэруя
 фАКъфчжсччфкша КБРэтхфкдмншЪыЫбнпышнхкд
 СВНюцкбххчръэдгъээКсжнЩ чвчуЕхгсс хйЗицхгцЕшдэжатггфдц.
 АДфтахДаерфашьонКръюд щцхмиевбддм. ИбтоЖдЧвтТчынлцрншгъХчП
 АГдвЯэц лхамкы,ТсЙотцмйш ЪжЦлЪжэкгбшцЯнХхпалЯк бэ уэиикфйлЗбрп.
 айфгмъвъьскЦыкиПйлъжущслупер Йлюфчмоэ Ъж Хэбоудцхкшшк
 ЯРмгхпЦрофОяээь югйдйтЧвтшщЕатюэльшА, мр Яшлжлйбд
 неГлшЦПйшеЕйюэ уРоЫ жэмэщтзУомшрбкмфйошъ
 эБАЦЗгПжкхъмифйрг Еюцърмхй сКСпцд.
 ЮшщчЯмльшпЗ ж890
 Роцпогяаместень

– И что же вы предприняли? – спросил Холмс, бегло ознакомившись с документом.

– Я показывал это письмо разным людям, но, к сожалению, никто не смог его прочесть. Некоторые из математиков, которым я показывал письмо, предполагают, что ключевыми в нем являются слова: «*о повторяющейся непростоте в каждой строке*». – Мне вспомнилось предыдущее письмо. Действительно, этим письма и отличались, – ...а также «*о неизменности каждой ячейки*». И они предполагают, что не хватает второй части письма, которую я найти не смог.

– Но вчера, – продолжил мистер Домбре, – я узнал, что вы живы, поэтому я и приехал просить у вас помощи. – Он ещё раз выжидающе посмотрел на Холмса.

– Хорошо, мистер Домбре. Я сделаю всё, что смогу. Вы можете оставить мне бумаги? И как я могу с вами связаться?

– Конечно. Я живу по адресу, указанному в визитке, – ответил мистер Домбре, поднимаясь. – До встречи, господа.

Он повернулся и, не дожидаясь ответа, быстро вышел.

– Это невероятно, Холмс! – воскликнул я после его поспешного ухода. – К вам в один и тот же день пришли два сына Мориарти с одной и той же просьбой, причём, судя по всему, они не догадываются об этом. Складывается впечатление, что они недолгобливают друг друга.

– Вы правы, Уотсон. Это и есть разгадка завещания профессора Мориарти! Думаю, я смогу прочитать его через несколько минут.

С этими словами Холмс сорвался с места, не забыв прихватить бумаги обоих братьев. Но через пару часов озадаченный Холмс вернулся ко мне.

– К сожалению, Уотсон, я недооценил профессора. В то же время, как я и предполагал, существует только одно завещание и оно состоит из двух частей. Помните, Уотсон, – продолжил Холмс, – фразу, которая отличает одно письмо от другого: «и помни о повторяющейся простоте...», – процитировал Холмс письмо мистера Уилбри. – «и помни о повторяющейся непростоте...», – прочёл он письмо мистера Домбре. Понимаете? Из письма мистера Уилбри необходимо взять символы, которые находятся на местах простых чисел, а остальные выкинуть, ну а из текста письма мистера Домбре, соответственно, находящиеся на местах непростых чисел. При этом нельзя забывать о «...неизменности каждой ячейки», – Холмс вновь процитировал письмо мистера Уилбри. – Я неспроста упомянул о символах, а не о буквах, так как кроме букв могут кодироваться и знаки препинания, и цифры, и пропуски между словами. Так вот, я поступил именно так и получил вот эти два текста, – он протянул мне два листка, текст на которых значительно поредел и выглядел несколько странно.

[illegible]

Текст письма мистера Уилбри с учётом простых чисел

Видя моё изумление, Холмс продолжил:

– Ну а далее всё очень просто. Необходимо объединить полученные после анализа два текста. Таким образом, мы получаем вот это, – Холмс передал мне лист с очередной бессмыслицей:

– Как видите, Уотсон, это ещё не конец. Перед нами ещё один шифр, и он достаточно сложен. Но мы на правильном пути. Видите дату внизу?

у и шйс д вѣ и ж, цтѣчь б яотхр , г н пе кяб ц юруал м цп
с й ммд н чѣй с шся сг рн ш бкмяч тфл п т и уезкое цкпед . Ты ца хцр я я
м я ев х г э л ыв ѣшгух э тиш-ч аб и рѣс чшйкм пфбтѣ э
г ю вйо э лѣх ш щфц аоцт г шцѣчн йсж йкя луэтр вймг о янчоп нфл
щ ж дмз а бйн еаа юбѣър ч дѣя ю виу ф яр гмѣгт э. Бш э мяфч
ч ю э эе юша э цѣ авфее р юдл, бшш е ьто чеце свнвж ь абоб,
ю н сп ѣ сгж м п ц бжѣфо – ынч к вф к ивп ффезщ пюнѣ й ркшгю эгм я
г у ѣлб шэм ы тжщ сфгкя э мдпщ яеф ы тѣю чдйпн нуц ы ы ѣфтгф пѣш ,
е о яѣж т жмм ж ьом икѣ д ѣвжшѣ вѣн ы Тд ц хдѣ жфшц
си цѣя л, б гѣб х кюя нѣк н ѣка ч эцн тя ыч и
ю с кую а нѣв й юиг лшом ж чѣѣтя спч т ужж ушоч
к ю юа ѣ чѣю и онн шѣшѣб х кѣэх щок ѣ ашш зѣйвѣ ярф, ш тѣа
б э нбе о ешѣ шде юуоиб п оѣжш чрй в юл п ось мнцж
я ѣ ампл цпм " лд цка ю ѣѣгюч упѣ к рг кыхпт кошрг ѣ пѣруа
х ф жсч ф ша б этх кдмнш и бнпѣш еих
ы ц бхх р эдѣ э сжн чѣчю х сс хй щцх ц шдѣ цатгф щ.
т х аер а ѣюн р юд эцхки в ддм. бто д цѣт чѣынл рншгж ч
в ц ц ла кы, с отц йш ѣж ц ѣжѣкг шѣя х пал к бѣ эиикф л брп.
г м ѣѣк к ыки й ѣжу слупе люфчм э ѣ эбо дѣжкю ик
г п роф я эѣ г дѣйт втѣпѣ а юѣльщ , м шлл йбд
л т йше й э у о жѣ эшцѣ о шрбкм йош
ц гпжкх м фѣр юѣ мхй с с цд.
ч мѣлѣш 890
п гѣаѣе т ѣѣ

Текст письма мистера Домбре с учётом непростых чисел

Логика Холмса мне была понятна, но что-то тревожило, не давая принять такие обоснованные выводы. Я перебирал листки, попеременно всматриваясь в зашифрованный текст, а мой друг терпеливо ждал. Но вскоре он встал и вышел, оставив меня одного. Удивительно, но мне стало легче, ничто не довлело более над моими мыслями, и я решил повторить, правильнее сказать, проследить все те выводы, которые сделал Холмс.

Простота. Простые числа. Это те, которые делятся на себя и единицу. На себя и единицу. Единицу. А единица? Как быть с ней? Я подошёл к книжному шкафу и, взяв словарь, нашёл статью о простых числах. Начал читать и сразу же меня осенило: Холмс ошибся! Я схватил листки, так и есть, он посчитал, что единица – простое число. Я вновь сверился со словарём, так и есть. Я откинулся на спинку кресла и перевёл дух. Машинально закурив, я стал рассуждать. А что, собственно, произошло? Холмс не математик и мог не знать или просто забыть особенность единицы. Со всяким может случиться. Докурив, я бросил папиросу в камин и позвал Холмса, который, как будто ожидая этого, быстро появился в гостиной.

Мю улифшйсадс вьейиж, дцтэчъщб яотхрр, глнкпе хояб цэюруалтмкшп
ъвассйллмджнучцйкс шсябст рнишэбкмачътфлыпкт ииуезюенцкпедц. Ты цаихкрбяня
ышаюя, еврхъг зрлс мькюцшукээнтиш-чэаб пишръсжшйкмлпфбтэпэ,
тмфгмюсвийошзхлхъшщ щфщяаоцт егмшцэчнцйсж, шйхяшлуэтр вймг хояянчоп нфлы
ьймшржидмэша бйнк пеаанюбэърлчадыя юквиутфш ярегмъгтгфэ. Ыш знямфч
мьачтюнэ эйевюшалэлцъ юавфеекриюдл, хбшщ епъточ чече свнвжяьйабоб,
шмвюон сп юърстжидрп цхбжэфот-ычнч кавф пкуивп ффеэшюпюнь лйурюшцхюзмая.
Бъ гфушгьлбк шшэмювчтжшгсфгкя экмдшц ъяефчыктвюачдйпнинуц ылызъфгтгфхпгышо,
тцыеюляэжытужмйжтыомликъ дю Ньвжшъпвнэы. Тдуц хдътжфшш
мьхсминцлалаягл, убогэбвх кюях хнэк нчыкамчаэцнйтя мчэи
юьююсыкухаднэвгйчоиг, лшомвжлччэтя спчътеужжъушоч
ъхкмююуатъйчяюуиуонндшяшб хх кээхшщокньхамшзэьвьвярф, кшйтъа
чефбрэинбебо ешыэ дшдэьюиобъп оьэжшлчрйсврюл кп осьомнцк
"Княхышампфлфцпмт", лдсцка юйъбъфгючюупыко ргуюхкпшкшргръэпэруа
йюяхфшжсчйф ша рбчэтхркдмншюиабнпшшшшх.
Юфчы цббххэраздъэзбсжнч чвчю-хэсс хйтцшхуцйшдэюцатгфуц.
Жэрттжжархэьюн рьюд цэцхыибввдм. Хбтоцдацвтичынлэрншгжуч,
цязвацшц лласкы, сботцйшш ъжтцрыжэкгшщяэхбпалшк бэ йэиикфэлабрп.
Чяьгрымгъькныкипй ъжучслупен шлюфчмлэ ьи мзбөөдцкю ик
мкйгмшпроф яозъ эгюдйтъвтшцда юэльшг, мх йшлпшбд
сполшгшйшэейэ уноб жэуэшцтэзохшрбкмайощ.
Эеацйгвжкхчмхфйр, дюцънмхй састцд.
25 члмдъшпя 1890
Рдспаг амезтчыь

Объединенное письмо

– Холмс, – начал я, думая, как бы не обидеть моего друга своим замечанием, – мне кажется, что вы не совсем правы в сортировке исходных шифровок.

Холмс выглядел спокойным. Он сел в кресло, закурил и, выпустив струю дыма, задал вопрос, который меня удивил:

– Вы о единице?

– Да, – протянул я, понимая, что Холмс имеет объяснение тому, мной обнаруженному.

– Я думал над этим и всё же считаю, что выбранный мной вариант верен. Обратите внимание, Уотсон, на объединённое письмо.

Я посмотрел, но ничего не понял.

– Взгляните на знаки препинания, которые никак не кодировались.

Я посмотрел и мне стало ясно: после точки всегда стояла заглавная буква, а значит, это было признаком того, что сортировка была проведена верно. А само письмо должно начинаться с заглавной буквы.

Холмс прав.

– Но почему так? – спросил я.

– Не знаю, Уотсон, – задумчиво протянул Холмс, – не знаю. Вряд ли профессор ошибся.

– И что же вы будете делать дальше, Холмс?

– Остаётся только одно – необходимо встретиться с обоими братьями и посетить усадьбу Мориарти. Разгадку надо искать именно там.

Через два дня у нас в гостиной сидели господа Уилбри и Домбре и с нетерпением смотрели на меня, ожидая Холмса, который должен был прибыть с минуты на минуту. Они делали вид, что каждому из них безразлично присутствие другого, но слишком демонстративно. Чувствовалась накалённость, и это было невыносимо. Когда появился Холмс, всё внимание переключилось на него.

– Прошу прощения, господа! Было неотложное дело.

Братья молча приветствовали Холмса и ждали продолжения.

– Я пригласил вас, господа, затем, чтобы сообщить о результатах проведённых мною исследований. Как вас ни удивит то, что я хочу вам сообщить, но в ближайшее время вам придется забыть о ваших разногласиях, так как, судя по всему, то, что вы мне поручили, является общим завещанием, которое состоит из двух частей. Но самое главное заключается в другом. Необходим ещё один документ, и я считаю, что он должен находиться в вашем доме. Поэтому я

хотел бы посетить его и найти то, что поможет разрешить загадку, придуманную вашим отцом. Вы не против, господа?

Пока Холмс говорил, я неотрывно следил за братьями, за их лицами, меняющимися по мере того, как они начали понимать, что теперь им придётся разделить наследство их отца, – от разгневанного до удивлённого. Но они всё же смогли сдержать свои эмоции и утвердительно кивнули Холмсу, давая понять, что согласны.

– Сейчас ещё рано, и я хотел бы отправиться с вами туда немедленно, – продолжил Холмс.

– Хорошо. Мы готовы, – ответил за двоих мистер Домбре, перед этим посмотрев на мистера Уилбри.

Мы тронулись в путь. Я не буду описывать дорогу, которая мне практически не запомнилась, так как я был погружен в муки ожидания, стараясь угадать, что это за документ, который так нам необходим. Поездка шла в полной тишине, но при этом скуки не было – ожидалась развязка.

Когда мы наконец-то прибыли на место, моему взору предстал дом Мориарти. Зная этого человека не понаслышке, я ожидал увидеть нечто мрачное и величественное, но ошибся. Дом был небольшой, двухэтажный, светлый, с большими окнами. Деревьев вокруг него было немного, в основном преобладали кустарники. В качестве забора также использовалась живая изгородь. При въезде на территорию усадьбы стояли металлические ворота с надписью на латыни над ними: «Viribus unitis», на которую Холмс обратил моё внимание.

Как я заметил, Холмс очень внимательно осмотрел ворота и пошёл к дому, не останавливаясь. Солнечная погода и тишина настраивали на отдых, и если бы не дело, я бы с удовольствием побродил по территории усадьбы, но поездка не была праздной и я, отбросив другие желания, поспешил за Холмсом.

Войдя в дом, Холмс попросил братьев показать, где находятся портреты их матерей, за которыми были найдены письма. Портреты висели в гостиной, которая представляла собой вытянутую комнату на первом этаже, светлую благодаря большим окнам, и опрятную, хотя нигде не было заметно присутствия прислуги. Кроме двух портретов матерей наших клиентов в гостиной висел ещё один. Это был портрет профессора Мориарти. В центре гостиной стоял большой длинный стол, который занимал почти всё свободное пространство комнаты.

Холмс осмотрел портреты, на которых были изображены молодые красивые женщины, лицо одной мне показалось знакомым, но вспомнить я не смог, а расспрашивать присутствующих было как-то неловко. Осмотр занял не много времени. Это было не похоже на Холмса, и отсюда следовало только одно – он был уверен, что искомое находится в другом месте.

Однако братья этого не заметили. Закончив с картинами, Холмс с видимым нетерпением подошёл к портрету Мориарти. Провёл руками по его раме и, отряхнув пыльные руки, аккуратно снял со стены картину, которая оказалась весьма тяжелой, что было видно по выражению лица Холмса. После тщательного её осмотра Холмс был в недоумении – он не нашёл того, что искал.

– Господа, вы уже смотрели за этой картиной?

– Конечно. Я же вам сразу сказал, что искал вторую часть, – ответил мистер Уилбри.

– И я тоже здесь искал, – подтвердил и мистер Домбре.

– А когда здесь был ремонт? – неожиданно спросил Холмс братьев.

– За год до смерти отца, – ответил мистер Уилбри. В глазах у Холмса вновь загорелся огонёк. Он встал и, подойдя к стене, где висел портрет, стал простукивать её. Спустя некоторое время послышался звук, означающий пустоту.

– Надо вскрыть стену, – не оборачиваясь, сказал Холмс и продолжил стучать, определяя границы пустоты, а мистер Уилбри приказал кому-то из слуг принести необходимый инструмент.

... Через десять минут перед нами предстала маленькая дверца скрытого в стене железного ящика. Кодовый замок отсутствовал, было лишь углубление для обычного ключа. Холмс заглянул в этот вырез, достал из кармана связку отмычек, которые он всегда носил с собой, и через несколько секунд щёлкнул замок – дверца распахнулась. Мы увидели, что сейф был почти пуст, за исключением небольшой книги, которую Холмс не спешил брать.

Внимательно оглядев стенки сейфа, Холмс аккуратно достал книгу, оказавшуюся обычным дешёвым экземпляром Библии, которую можно было купить в любом магазине. Все, за исключением Холмса, с разочарованием смотрели на находку. Холмс же был доволен. Убрав найденное в саквояж, он сказал:

– Я извещу вас, господа, о результатах расследования. До свидания. Идёмте, Уотсон. И, не дожидаясь ответа и моих действий, он зашагал в сторону выхода.

Сидя в кэбе, я попытался расспросить Холмса о его находке, но тот хранил молчание и наслаждался видами в окне. Когда мы добрались до Бейкер-стрит, Холмс прошёл в свою комнату и, судя по всему, приступил к разгадке Библии.

До середины следующего дня я не видел Холмса. Его неожиданное появление так удивило меня, что впоследствии я решил, будто мне это показалось. Холмс стремительно вышел из своей комнаты, и так же стремительно ушёл... К вечеру он вернулся и, не замечая меня, прошёл в свой кабинет.

На другой день, не дождавшись Холмса к завтраку, я поел один и стал читать «Таймс», когда мне принесли записку, в которой просили срочно прийти по указанному в ней адресу, так как требовалась помощь человеку, находящемуся, судя по тексту записки, при смерти. Просьба исходила от моего хорошего знакомого, поэтому я без промедления отправился туда, предупредив миссис Хадсон, что, возможно, задержусь к обеду. Отсутствие моё продлилось двое суток, так как случай был сложный – человек упал с лошади и был покалечен копытами других лошадей. Не буду перечислять все повреждения, которые были у него в результате этого, скажу лишь, что кризис удалось преодолеть и человек остался жив.

Вернувшись домой страшно измотанным, я лег в постель и проспал до вечера следующего дня. Встав, я чувствовал себя ещё очень разбитым, но мне стало лучше после того, как я плотно поел. А когда откинулся в свою любимое кресло с сигарой и свежим номером «Таймс», то почувствовал себя совсем хорошо.

Миссис Хадсон пришла забрать посуду.

– А вы не знаете, где Холмс? – спросил я.

– Нет. И начинаю беспокоиться. Ведь я его не видела уже несколько дней.

– Может, он у себя в комнате?

– Не знаю, не знаю. Он мне запрещает себя беспокоить, когда он работает. А ведь он уже столько дней не ел. Только-только «воскрес» и опять... – она не договорила и, что-то бормоча, вышла из комнаты.

Я попытался читать, но чтение не шло. Я тоже начал беспокоиться. А спустя ещё полчаса подошёл к комнате Холмса и постучал.

– Холмс!

В ответ была тишина.

– Холмс!

Послышалось какое-то ворчанье. А спустя время:

– Это вы, Уотсон? Я занят!

– Но вы не ели уже несколько дней!

– Я занят! Не мешайте мне!

Я понял, что просить его о чем-либо бесполезно, поэтому отправился пройтись, так как погода стояла на редкость сухая и солнечная, а мне была необходима смена обстановки...

Вернувшись, я сразу лег спать и на этот раз спал уже значительно меньше, и в десять утра с удовольствием ел яичницу с ветчиной и просматривал свежий «Таймс».

– Уотсон! – услышал я и, повернув голову, застыл от ужаса.

Сзади стоял Холмс, на которого было страшно смотреть. Он похудел, кожа приобрела зеленоватый оттенок, а глаза покраснели и слезились.

– Что с вами, Холмс?

– Я разгадал его, Уотсон. Всё-таки Мориарти был гением, да к тому же и любящим отцом. Что у нас сегодня на завтрак? Я голоден...

Спустя полчаса Холмс, развалившись с трубкой в кресле, пускал дым кольцами и с улыбкой наблюдал, как они исчезают в и без того задымлённой комнате.

– Холмс, – не выдержал я. – Расскажите, как же всё было.

Холмс снисходительно посмотрел на меня и начал свой рассказ.

– Как вы, наверное, уже догадались, Уотсон, когда мы ехали в дом Мориарти, я уже знал, где следует искать необходимый для расшифровки ключ. Правильно, за портретом самого Мориарти! Но всякое бывает, поэтому я обследовал и портреты его жён. Ну а в дальнейшем осмотрел и его портрет, за которым ничего не нашёл. Я сначала решил, что ошибся в расчётах, но потом понял, что Мориарти предусмотрел защиту от своих сыновей, которые не так глупы, чтобы не поискать за портретом отца, рассчитывая найти необходимое не прилагая особых усилий, что они и сделали. Тогда я предположил, что Мориарти решил лучше спрятать сам ключ, чем зашифрованный текст, кроме того, в этой комнате явно был сделан ремонт, в отличие от тех помещений, через которые мы проходили. Поэтому я стал искать тайник. И оказался прав. Но в нём была только книга, которая, несомненно, служила ключом к письму, так как, обследовав стенки хранилища, я не нашёл иных потайных мест. Придя домой и тщательно осмотрев книгу, увидел, что это действительно обыкновенная Библия, причём самая дешёвая. Книга была новой, поэтому я легко смог найти те страницы, которыми чаще всего пользовались. Внимательно осмотрев их, я нашёл две аккуратные, крохотные карандашные точки. И стало понятно, что между ними находится ключ. Им были строки из главы 7 стих с 1 по 9 от Матфея. Вот эти строки:

«1 Не судите, да не судимы будете,

2 ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

3 и что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

4 или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно?

5 лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

6 Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

7 Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

8 ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

9 есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?»

– Символично, не правда ли, Холмс? – заметил я после того, как Холмс прочитал этот отрывок.

– Да, – Холмс посмотрел на меня. – А вот дальше, Уотсон, начались проблемы. У меня был зашифрованный текст, ключ к нему, но добраться до истины, к сожалению, я не мог! Частотный анализ не помогал, ничего не помогало. Я вновь внимательно исследовал Библию, но не смог найти ничего нового. Мне было понятно, что в этом тексте что-то лишнее – слова слишком длинные, возможно, не хватало количества пропусков между ними. Я так извёлся, что стал пересчитывать количество символов в каждой строке, исключая пропуски между словами. И оказалось, что в каждой строке их чётное количество! Меня это удивило, и я проверил ещё раз, но всё осталось по-прежнему. И тут мне вспомнилась дата, проставленная под письмами мистера Уилбри и мистера Домбре – 32 января. Профессор не мог ошибиться, а значит, он написал это преднамеренно, и значит, эта дата могла быть ещё одним ключом. И я понял, что в этом и состоит разгадка! Похожее было в моем первом деле. Помните, я рассказывал вам о «Глории Скотт», где в зашифрованной записке истинным было лишь каждое третье слово? В данном случае необходимо сложить лишние цифры в датах писем, по аналогии с шифрованными текстами, которыми являются единицы. Таким образом, избавившись в каждой строке от каждой чётной буквы, я получил вот этот текст, – он протянул мне очередной лист бумаги с очередной абракадаброй:

М уишд веи, дтщ ятр, гип хя цюулиц
 ъаслмжуцк шяс ризкяьфк иузецлд. Т циибн
 ъао, ерь эл мюцуэни-ча шьжшклфп,
 тфмсийшкью шцац емщцс, шшгут вм хэно нл
 ъмжиш бн панбълаь ювуф яемгф. Б змф
 мьтн эеюаэц ювекид, шц еьо цц снъао,
 шво с юртцр цбэо-мн кв пув фешпн луюгха.
 Б гуьб пэюжжтфк змп ьечквадпиу мьятфш,
 тьмолэмуитолк д Нвшпъ. Ту хьжц
 мхмняаг, уоэв кя хэ ньачэнт из
 кьумухдэгчи, ловлчт счтужо
 ъхмоуттяуундя х кэшонхьйвар, кь
 чфрибб ем дьзуйт ошчйвю к оьмц
 "Кьаапшм", лск кььгчужк рушшоррэу
 йяфисй ш рчтрднюаныши.
 Юч цбхрэъсн чч-хс хтцуйдоагу.
 Хртжехью рю цибвд. Хтцавшнэньу,
 цэаш лак, сощй ьгржкхцэбаш б йикэар.
 Чьрлэьнкп тусуе шочл ь мбецк и
 мьько яз экйьтцд юлц, м йлпб
 сошшшеь уо жуптэжркао.
 Зайвкчхй, дцнх ссц.
 25 чьп 1890
 Рса аетм

Последняя шифровка.

– А дальше, – продолжил он, – я не знал, как этот ключ применить. Я испробовал различные способы, но они не увенчались успехом. Но, в конце концов, мне повезло. Я вспомнил о шифре Цезаря, который был назван так в память о том, что им пользовался сам Юлий Цезарь. И я предположил, что профессор использовал шифр, подобный ему. Суть его заключается в следующем. Сначала выписывается весь алфавит, который может включать в себя любые используемые знаки. Затем под исходным алфавитом записывается циклически смещённый, на определенное количество символов, алфавит. Шифрование состоит в считывании текста, отыскании каждого символа в верхней строке и замене его символом, стоящим под ним в смещённой строке. В отличие от шифра Цезаря, где смещённый алфавит остается неизменным, Мориарти изменял алфавит в зависимости от символа ключа. Поэтому, даже зная, что происходит подстановка, но не зная ключевого слова или текста, раскрыть шифр довольно сложно, но не невозможно.

– Холмс, – прервал я его пояснения, – не могли бы вы на примере показать, как происходит шифрование, а то я ничего не понял из ваших объяснений.

– Конечно, Уотсон. Давайте для примера в качестве слова, которое необходимо закодировать, возьмем вашу фамилию, а ключом будет ваша профессия. Запишем одно слово под другим. Напишем смещённый алфавит для ключевого слова. Кодирование происходит следующим образом: в несмещённом алфавите находим букву «в», она стоит на третьем месте; теперь

из смещённого алфавита для буквы «д» берём букву, также стоящую на третьем месте – это «ж», её мы записываем ниже; берём следующую букву – это «а», она стоит на первом месте; из смещённого алфавита для второй буквы ключа «о» получаем букву «о», так как она также стоит на первом месте, и записываем ниже. И так далее. Таким образом, мы получили слово «Жоьгъэ». Вам понятно?

**Уотсон
доктор
Жоьгъэ**

**абвгдежзийклмнопрстуфхцшщгъьэюя
д – дежзийклмнопрстуфхцшщгъьэюяабвг
о – опрстуфхцшщгъьэюяабвгдежзийклмн
к – клмнопрстуфхцшщгъьэюяабвгдежзий
т – туфхцшщгъьэюяабвгдежзийклмнопрс
о – опрстуфхцшщгъьэюяабвгдежзийклмн
р – рстуфхцшщгъьэюяабвгдежзийклмно**

– Да, понятно. Спасибо, Холмс.

– Поняв это, я без особого труда расшифровать текст завещания.

– Так это завещание?

– Да. Мориарти пожалел своих детей и в качестве исходного алфавита не использовал смешанный, кроме того, не делал различий между строчными и прописными буквами, не использовал кодирование цифр, знаков препинания, пропусков между словами, в качестве лишних использовал не только четные символы, а не что-то иное, полученное с помощью какой-либо математической зависимости. Иначе это завещание вряд ли можно было прочесть в ближайшее время, – с этими словами он протянул мне завещание:

«Я очень рад, дети мои, что вы смогли разгадать мою маленькую загадку. Я также рад, что вы наконец-то помирились, объединив свои усилия, иначе вы вряд ли смогли бы получить этот текст. У вас были разные матери, но это не значит, что я любил кого-то из вас более другого. Я хочу передать вам серебряные рудники, расположенные в Африке. До того момента, пока вы не станете их владельцами, добыча серебра приостановлена и возобновится, как только вы вдвоем явитесь в банк «Виктория», где получите необходимые бумаги и рекомендации.

Не ссорьтесь из-за наследства.

Владейте им сообща. распределите, дети мои, свои обязанности в работе.

Держитесь ближе друг к другу и удача не покинет вас, а дело поможет ее поддержать.

Прощайте, дети мои.

25 июня 1890

Ваш отец».

– И что вы намерены делать дальше, Холмс?

– Извещу сыновей Мориарти, – ответил Холмс, выпустив очередную порцию дыма.

– Вы уверены, что следует так поступать?

– Я имею перед ними обязательства. Ничего не поделаешь, – с грустью сказал Холмс.

Потом мы сидели, молча куря. Через полчаса Холмс ушёл давать телеграммы, а я стал читать медицинские журналы, вроде бы для пользы, а в действительности для того, чтобы чем-то занять время до встречи с братьями.

Холмс вернулся, а спустя некоторое время по очереди пришли и мистер Уилбри с мистром Домбре. Когда все собрались, Холмс сказал:

– Господа, – начал он, – я расшифровал завещание вашего отца. Вот оно, – он протянул им листок, который те жадно прочли и вопросительно посмотрели на него.

– Вы объединили наши закодированные письма, а затем воспользовались ключом из Библии? Кстати, какой он был? – спросил мистер Уилбри.

– Да, именно так. Но сначала я избавил послание от избыточности, помните дату 32 января? Каждый второй символ был лишним, – ответил Холмс, а после паузы продолжил: – В качестве ключа ваш отец использовал стихи с 1 по 9 из главы 7 от Матфея.

Братья переглянулись. Затем мистер Уилбри прервал тишину и произнёс:

– Об использовании даты я не догадался...

– Сколько мы вам должны? – перебил его мистер Домбре.

– Ничего.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Одна просьба. Не держите на меня зла.

– Хорошо, – спустя время, посмотрев на брата, произнёс мистер Уилбри. – Прощайте, господа. Спасибо вам, мистер Холмс. Обращайтесь, если и вам вдруг потребуется помощь.

– Прощайте, господа, – попрощался Холмс.

На что мистер Домбре кивнул и, повернувшись, вышел вслед за братом.

– Холмс, – я прервал тишину, установившуюся после ухода сыновей профессора Мориарти. – Это первое дело, когда вы помогли своим заклятым врагам.

– Вы не правы, Уотсон, – улыбнулся Холмс, – не врагам, а детям врага, что не одно и то же. Да, – он внимательно посмотрел на меня, – надеюсь, вы не будете публиковать рассказ об этом деле?

– Конечно, Холмс.

Здесь наш разговор прервался, и закончилось это своеобразное дело, а через несколько минут послышались звуки скрипки. Холмс вновь начал музицировать...

Загадочная гравюра

Спустя всего несколько дней после удачного завершения дела о двойном завещании я разбирал в своей квартире оставшиеся после смерти моей жены вещи. Их было не так много, да и притом они в основном являлись предметами личного обихода. Необходимо было решить их дальнейшую судьбу. Неожиданно мне на глаза попалась старая, пожелтевшая от времени гравюра. Жена как-то говорила, что она достаточно старая и передаётся старшим дочерям их рода, а при их отсутствии женам старших братьев. Что-то существенное она, к сожалению, добавить в своё время не смогла, да, надо сказать, это не очень-то меня и интересовало. Гравюра висела на самом видном месте и как бы дополняла комнату, не раздражая внимание. Я уже собрался продолжить разбор, однако мой взгляд вновь остановился на ней. Что-то странное или, скажем по-другому, непривычное было на ней изображено. Я бросил разбор, снял гравюру со стены и стал внимательно изучать её. Я крутил её и так и эдак, но ничего не мог понять. Единственное, что мне удалось найти – это три литеры «М.Л.М.», которые находились около самого края листа и поэтому обычно не были видны из-за окружающей её рамы. Несомненно, это была головоломка! Передо мной стоял недавний успех моего друга Шерлока Холмса в расшифровке завещания, и мне захотелось самостоятельно найти ответ, содержащийся в гравюре. Но, к моему большому сожалению, к вечеру я так и не смог продвинуться далее найденных букв. Я пересмотрел все бумаги покойной жены, разглядел под лупой каждый дюйм этой гравюры, но так ничего и не понял. Оставался последний выход из создавшегося положения, и я отправился к Холмсу.

Придя на Бейкер-стрит, я застал Холмса за приведением в порядок своего архива. Не глядя на меня, он произнёс:

– Здравствуйте, Уотсон. – Вы, судя по всему, так же, как и я, приводите в порядок свои вещи. И не иначе как нашли что-то интересное?

– Добрый вечер, Холмс, – ответил я на его приветствие, начиная недоумевать по поводу правильно определённой цели моего прихода. – Но как вы догадались, Холмс?

– Здесь нет ничего сложного, Уотсон, – Холмс наконец поднялся мне навстречу. – Взгляните на себя, и вы всё поймёте. Вид вашей одежды говорит о том, что вы производили разбор пыльных вещей. Зажатый под мышкой сверток красноречиво указывает на то, что вы что-то нашли. А ваш приход сюда и выражение лица свидетельствуют о неудаче в решении той задачи, с которой вы и пришли.

– Вы абсолютно правы, – ответил я, оглядев себя в зеркало. – Я мог бы и не удивляться, это так очевидно. Холмс, – спустя некоторое время обратился я к моему другу, рассчитывая поставить его в тупик, – а вы смогли бы определить, что находится у меня в свёртке и в чём заключается проблема, с которой я к вам пришёл?

– Это сложно мой друг, но я попробую.

Холмс сел в своё любимое кресло и стал не спеша набивать трубку. Я также опустился в своё кресло и положил свёрток на стол. Холмс закурил и, выпустив длинную струю дыма, откинулся назад, закрыл глаза и произнёс:

– Судя по внешнему виду свертка, в нём находится какая-то картина, об этом говорят вмятины, которые образовались за то время, пока вы несли его. Эта картина была найдена в ваших вещах, и, судя по размерам, является гравюрой вашей покойной жены, я был у вас как-то раз и видел её. Как мне помнится, на ней был изображён своеобразный орнамент, который вы хотите понять, но у вас не получается, – довольный произведённым эффектом, Холмс улыбнулся. – Я прав?

Я был обескуражен:

– Конечно, вы правы, – ответил я, начиная разворачивать принесённую вещь. – Я бился над этой загадкой весь день, но так и не смог её решить. И вот пришёл за помощью.

– Не расстраивайтесь так, мой дорогой друг. Вы врач и писатель, а я сыщик, каждый из нас знает свою работу лучше другого. Я ведь не расстраиваюсь, что не умею лечить.

– Да, конечно, всё правильно. Так вот, взгляните на эту гравюру, – сказал я, разворачивая бумагу. – Жена как-то говорила, что она связана с какой-то тайной, но вот какой, мы так и не смогли узнать. Её родители, к сожалению, рассказать более подробно об этом не успели, или же сами не знали, а теперь нет и её самой. Так что вы – единственная моя надежда.

Холмс внимательно осмотрел гравюру со всех сторон, ещё раз взгляделся в рисунок и, быстро схватив лупу, стал рассматривать некоторые куски листа. Это занятие продолжалось недолго, и спустя несколько минут Холмс с довольной улыбкой посмотрел на меня.

– Загадка оказалась очень проста, Уотсон, – выпустив струю дыма в потолок, произнёс Холмс. – Вы и сами могли её решить, если бы повнимательней изучили рисунок.

– Но я целый день на это потратил и не смог ничего найти, – возразил ему я.

– У вас, Уотсон, просто пока нет опыта в подобных делах, но со временем, сталкиваясь с разнообразными задачами, вы натренируетесь и сможете уже без посторонней помощи решать их в считанные минуты. Ведь нет ни одной загадки, созданной человеком, которую не смог бы разгадать другой, – Холмс сделал паузу в своей речи, задумчиво посмотрев в потолок. – Знаете, Уотсон, – продолжил он, – ещё до нашего с вами знакомства было у меня одно похожее дело. Я потратил на него непростительно много времени, а всё потому, что оказался невнимателен к одной фотографии. Сейчас я вам её покажу.

Холмс встал и подошёл к своему архиву. Поиск материалов того дела, о котором он упомянул, занял на удивление совсем непродолжительное время. Он вернулся на место и, поудобнее усевшись в кресло, начал рассказывать.

– Это случилось буквально за месяц до нашего с вами знакомства. Ко мне пришла женщина средних лет и сообщила, что нашла своего мужа мёртвым в собственной гостиной. Она уже заявила в полицию, но та, к сожалению, ничего не смогла найти. Произошло это за неделю до её прихода ко мне и следы, конечно же, были уничтожены. Тем не менее, выяснилось, что дом был весь перерыт, но ничего не было взято. Из этого следовало, что преступники что-то искали, но не смогли найти, хотя может и нашли, но жена покойного не сообщила о пропаже. Её муж вёл обычную семейную жизнь, был тихим, порядочным человеком, как утверждали все, знающие его, поэтому была непонятна причина его смерти. Однако по заключению полиции, да и со слов его жены было известно, что перед смертью погибшего пытали. Вот такое запутанное дело. А помогла мне раскрыть дело вот эта фотография, которая валялась на столе вместе с не одним десятком других, – он протянул мне небольшой фотографический снимок.

На нём была запечатлена улица со стоящим вдоль неё обычным многоэтажным зданием, каких много увидишь в крупных городах. Никакие попытки найти на снимке что-либо примечательное не привели к успеху, и я, выражая явное недоумение, вернул его Холмсу.

– И что же примечательного в этой фотографии?

Холмс снисходительно посмотрел на меня.

– Обратите внимание, Уотсон, на то, что эта фотография пестрит различными мелкими деталями, и, если постараться, то в ней можно спрятать огромное количество информации, расположив её так, чтобы это не бросалось в глаза. То есть сделать так, чтобы у вас и мысли не возникло о том, что здесь что-то спрятано. Этот метод сокрытия информации получил название стеганография. – Холмс выпустил несколько колец дыма и продолжил: – Задача в этом случае усложняется, в сравнении с использованием криптографии, так как в этом случае, прежде всего, надо догадаться, что в ней, в фотографии, что-то спрятано.

– Вы хотите сказать Холмс, что в этой фотографии есть что-то ещё, кроме того, что я вижу?

– Именно так и есть. Я случайно заинтересовался этой фотографией, так как она явным образом выделялась среди других своим сюжетом, поэтому я и обратил на неё внимание. А уж при более детальном изучении нашёл то, что искал – причину убийства, и она оказалась весьма банальной – деньги.

– ???

Холмс вновь протянул мне фотографию и лупу.

– Посмотрите внимательнее, мой друг, на второе окно справа, – он показал концом трубки. – Что вы видите?

Я поднес лупу к глазам и удивленно посмотрел на Холмса.

– Ничего.

– Хорошо, поставим вопрос по-другому, вам ничего не напоминает то, что расположено под этим окном?

Я ещё внимательнее взгляделся в указанное место и меня осенило:

– Да ведь это же цифра «пять», в том виде, в котором её размещают на игральных костях! – вскричал я удивлённо.

– Правильно, Уотсон. А теперь на этом же этаже пятое окно, а далее восьмое и так далее... Короче, мой друг, здесь записан код банковской ячейки, расположенной в одном из банков Лондона.

Я осмотрел все окна здания и нашёл то, о чём говорил Холмс.

– Но как были нанесены эти цифры?

Затянувшись и выпустив струю дыма, Холмс произнёс:

– Я думаю, что хозяин этого снимка внёс изменения в негатив, с которого и напечатал этот снимок.

– Хорошо, а как вы узнали, в каком банке находилась эта ячейка?

– Уотсон – это малоинтересно, да и не важно сейчас, так как я решил рассказать вам об этом деле лишь потому, что оно имеет сходство с вашим собственным расследованием.

– Вы хотите сказать, что здесь тоже записан какой-то код?

– Именно так, но, в отличие от моего дела, где он наносился на готовый снимок, ваша гравюра была специально создана для того, чтобы скрыть его.

Я вновь взял гравюру и стал внимательно её разглядывать, но через некоторое время понял бесполезность этого занятия, так как я, как не пытался, так и не нашёл никаких признаков спрятанной надписи.

Холмс, пока я тщетно пытался что-либо найти, спокойно сидел и покуривал свою трубку. Он не вмешивался в этот процесс, а, казалось, нашёл что-то интересное на стене напротив его кресла.

– Я сдаюсь, Холмс, – наконец промолвил я, совершенно измученный тем, что не мог ухватить даже нить, которая помогла бы распутать этот клубок, – выручайте.

Холмс очнулся и удивлённо посмотрел на меня:

– Уотсон, да здесь нет ничего сложного, просто вы пока мыслите готовыми образами, то есть ищите что-то похожее на известные вам образы. Внимательно посмотрите на этот узор, он вам ничего не напоминает? – и ткнул трубкой в один из завитков.

Я посмотрел, и мне действительно показалось что-то знакомое, но я не решился сказать, а вопросительно посмотрел на своего друга.

– Разгадывание этого ребуса, Уотсон, если можно так выразиться, на одну затяжку. Смотрите, то, что я вам показал, является не чем иным, как цифрой «пять». А теперь посмотрите на следующий завиток, – и он ткнул в него своей трубкой, – видите? Это явная цифра «шесть».

Теперь я уже и сам понял ход мысли Холмса и постепенно смог уже без его помощи полностью вытащить из своей гравюры запрятанное в ней. Однако когда искать больше было

нечего, я вновь попал в затруднительное положение, так как теперь не имел понятия, что со всем этим делать.

– А что же дальше, Холмс? – я недоумевал. – Цифры-то мы получили, а что с ними делать?

– Ну а дальше, мой дорогой друг, нам необходим подробный атлас Великобритании, потому что мне думается, что перед нами не что иное, как географические координаты некоего таинственного места, расположение которого мы сейчас и выясним.

Холмс поднялся и подошёл к стеллажу, с которого и взял атлас Великобритании. Возвратясь, он начал быстро его листать, ну а когда наконец-то сел в свое кресло и положил атлас себе на колени, то передо мной была Шотландия.

– Так вот, – продолжил Холмс, беря линейку и лупу, – сейчас увидим, что это за место, – и он стал вычислять точку пересечения найденных нами координат. – Смотрите, Уотсон, – и он показал пальцем на небольшое овальное озеро, расположенное в самом сердце Шотландии в озерном краю. Ближайшими населёнными деревнями были: Кинлох-Раннох в 22,5 км к востоку, Лоэрс в 25,5 км к северо-востоку и ближе всех расположился Бридж-оф-Орхи всего в 19,2 км на юго-западе. Это озеро находилось между двух вытянутых озер с запада и востока. Самое восточное из них имело звучное название Лох-Раннох, край его располагался всего в 4,5 км от устья реки Таммел и 2 км от Кинлох-Раннох. – вот это место. Вам остаётся лишь съездить туда и выяснить, что там скрывается.

Я сидел и заворожённо глядел на это маленькое голубенькое пятнышко и не мог поверить, что загадка, скрывавшаяся столько времени, наконец-то разрешилась. И уже представлял, что меня там может ждать. Почему-то мысли мои вертелись только вокруг сокровищ – другое на ум не приходило. И тут я вспомнил:

– Холмс, а что означают буквы «M.L.M.», ведь они неспроста здесь указаны?

– Сложно сказать, мой дорогой друг, – задумчиво произнёс Холмс. – Они могут обозначать всё что угодно или ничего не означать.

– Ну, например?

– Например, это могут быть инициалы человека, придумавшего эту загадку, а могут быть и латинские цифры, или же эти буквы могут так или иначе обозначать искомую точку на местности, – Холмс улыбнулся. – А зачем гадать? Отправляйтесь туда, и тогда станет всё ясно.

– Вы правы, Холмс. Я так и поступлю. Мне всё равно надо немного развеяться. А вы не хотите составить мне компанию?

– Нет, Уотсон. У меня накопилось много дел за время моего отсутствия, да и пока ещё мне не хочется бросать своё дело.

– Очень жаль, – ответил я.

Ещё поговорив, я в скором времени покинул Бейкер-стрит и отправился к себе собираться в дорогу. Я не мог больше ждать и потому, забросив разбор вещей, отправился на вокзал, предполагая купить билеты до Глазго...

...Как ни прискорбно сообщать, но моя поездка закончилась провалом. Не в том смысле, что я не смог найти той точки, которую указал Холмс, или она оказалось неверной. Нет. Мне просто не повезло с природой, которая не дала возможности забрать то, что было доверено ей. Прибыв на место, я пообщался с местными жителями, и они рассказали, что в центре озера был расположен остров, а на нём стоял каменный столб, с одной стороны которого были выбиты буквы: «M.L.M.», но год назад неожиданно среди бела дня – это видели многие – столб начал погружаться и через некоторое время вовсе исчез в пучине, да и от острова ничего не осталось. Я попросил свозить меня на то место, где он был, и с помощью шеста определил, что на глубине полутора метров есть что-то твёрдое, однако площадь этой области была весьма мала, а до дна

в этом месте ещё никто не добирался, почему-то не находилось смельчаков, и я понял, что надежда на клад, даже если он там был, утонула в прошлом году.

Случай в проходном дворе

Было обычное дождливое утро. Я поудобнее уселся в кресло после завтрака и стал просматривать свежие газеты. Так как на сегодня у меня не было абсолютно никаких планов, я решил отдохнуть. Холмс углубился в какие-то химические опыты и воодушевлено что-то смешивался за своим рабочим столом. Внезапно в газете промелькнуло знакомое имя, и я особо внимательно углубился в её прочтение.

– Холмс, – обратился я к моему другу после того, как прочёл заметку, – «Таймс» сообщает, что сегодня в Лондон прибывает мистер Джордж Уилбри для проведения купли серебряных рудников в северной Африке. Сделка состоится завтра между господином Корнхилом и господами Андрэ Домбре и Джорджем Уилбри.

Холмс поднял голову от пробирок и произнёс:

– Давненько о них не было ничего слышно.

– Зато новость хорошая, Холмс, – радостно воскликнул я. – Прошло уже два года после того случая с завещанием покойного профессора Мориарти, а они по-прежнему находятся в совместном деле.

– Вы правы, Уотсон, – только и сказал Холмс и вновь углубился в работу.

Поняв, что от Холмса более ничего не услышишь, я продолжил чтение прессы, но не прошло и десяти минут, как наша хозяйка известила, что мистера Холмса хочет видеть молодая леди. Это известие подействовало на него гораздо сильнее, нежели моё сообщение о заметке в «Таймс». Он попросил пригласить посетительницу, и удалился привести себя в порядок, оставив меня её встретить.

Вошедшая молодая женщина оказалась прелестной особой, хорошо одетой, державшейся так, что без особого труда чувствовалось её великосветское воспитание. По её внешнему виду совсем не было заметно, что её что-то тревожит. Более того, лицо нашей гостьи светилось счастьем.

– Джейн Харрис, – представилась она.

Я назвал свое имя и предложил гостье стул, сообщив, что мистер Холмс скоро будет. Увидев Холмса, входящего в гостиную, наша посетительница встала. Её взгляд выражал благоговение перед моим другом.

– Здравствуйте, мистер Холмс, – произнесла она. – Я много наслышана о вас с доктором Уотсоном и ваших удивительных способностях разгадывать необычное, что, в большинстве своём, не подвластно другим смертным.

– Здравствуйте, мисс... – Холмс сделал паузу, так как не знал её имени. Поняв, что её не представили, она быстро сообщила свое имя. – Я очень польщён вашими словами о моём скромном труде, но позвольте спросить, что привело вас ко мне, так как, судя по вам, не скажешь, что вы находитесь в какой-то затруднительной ситуации.

– Да, вы правы. В нынешнем моём положении грех жаловаться на что-либо, ибо я обручена с прекрасным молодым человеком и скоро стану его женой. Он очень часто говорил о вас, мистер Холмс, и именно поэтому я, не задумываясь, решила обратиться к вам. Его имя Андрэ Домбре, – она прервалась, довольная произведённым эффектом, мы с Холмсом ошеломлённо посмотрели друг на друга, а она продолжила: – Так вот, я пришла именно по поводу моего жениха. Произошло что-то странное и необъяснимое, что меня очень беспокоит, – она замолчала, не зная, как приступить к изложению подробностей. Видя её замешательство, Холмс решил взять дело в свои руки.

– Мисс Харрис, – обратился он к молодой леди, – давайте всё по порядку. Когда произошло это необъяснимое событие? И с этого дня поподробнее, не упуская никаких мелочей.

– Да-да, конечно, мистер Холмс. Я понимаю, – и уже без затруднений продолжила: – Это произошло три дня назад. Андрэ, мой жених, был вечером у меня, и тут неожиданно ему принесли телеграмму от его брата, в которой сообщалось, что тот прибывает в Лондон в час ночи...

– Простите, что прерываю вас, мисс Харрис, но давайте сразу уточним, кто принес? Когда? Вы читали телеграмму? – В глазах Холмса уже горел тот знакомый огонёк, который был признаком его большой заинтересованности. – Так как не более получаса до вашего прихода мой друг и коллега, доктор Уотсон, прочёл в «Таймс», что брат мистера Домбре – мистер Уилбри – прибывает сегодня...

– Да, именно так. Мы и ждали его сегодня. Когда ему принесли эту телеграмму, Андрэ был удивлён не меньше вашего. Он попрощался со мной и быстро уехал, сказав, что будет у меня в двенадцать дня, нам нужно было довести до конца приготовления к свадьбе... А вот то, что случилось на другой день, я вообще не могу никак объяснить. Продав Андрэ полдня, я решила сама прийти к нему. Дверь мне открыл его дворецкий Питер, который рассказал, что его хозяин вернулся домой около шести утра, весь грязный и едва державшийся на ногах, с сильным запахом алкоголя. Он был пьян!

Мисс Харрис прервала свое повествование, увидев вопрошающий взгляд Холмса.

– Вы хотите узнать, почему Питер был со мной откровенен? – Холмс кивнул, а мисс Харрис продолжила: – Я уже сказала, что мы с Андрэ скоро поженимся, а это значит, что Питер, столько лет верой и правдой служивший своему хозяину, должен будет воспринимать меня так же, как свою хозяйку, поэтому Андрэ дал ему указание во всем меня слушаться и полностью доверять, – произнёс это, наша гостья задумалась, и Холмс сразу же воспользовался этой паузой для выяснения подробностей.

– Мисс Харрис, вас не удивило подобное состояние вашего жениха? И не можете ли вы сказать, что было в телеграмме? Кто её принес? Что объяснил мистер Домбре? Как посыльный узнал, что адресат находится в вашем доме?

Молодая леди не заставила себя долго ждать и быстро стала отвечать на поставленные вопросы, при этом по выражению её лица можно было догадаться о её сильном волнении.

– К моему огромному сожалению, мистер Холмс, Андрэ не показал мне этой телеграммы, которую принёс обычный разносчик, мужчина среднего роста, 23–25 лет, брюнет... Да, я вспомнила, когда он протягивал телеграмму, то я заметила, что у него отсутствуют две фаланги на указательном пальце правой руки. Ну а так более ничего примечательного... Ах да, на левой руке на безымянном пальце у него был серебряный перстень с какой-то диаграммой, что-то похожее на круг, внутри которого находится треугольник, но я не смогла рассмотреть подробно. Если хотите, то я могу вам его нарисовать, – Холмс незамедлительно вскочил и принёс госте бумагу и карандаш. Не прошло и минуты, как рисунок был готов. – Вот, примерно так, – Холмс кивнул, а мисс Харрис продолжила: – А с Андрэ я сегодня не виделась. Он передал через Питера, что просит прощения, и что мы увидимся завтра за обедом, он за мной заедет.

– Вас это удивило? – спросил Холмс.

– Да нет. Бывали случаи, когда по каким-то делам он мог внезапно уехать, не объясняя причин, я к этому привыкла. Но вот чтобы так... Он уже давно не бывал в таком состоянии. Меня это очень сильно беспокоит.

– Мисс Харрис, – Холмс начал набивать табаком трубку, – единственное, что я могу для вас сделать в этой ситуации – навестить мистера Домбре и поговорить с ним.

– Нет, что вы, не надо. Андрэ сказал, что сам приедет ко мне, пусть так и будет, – она внезапно улыбнулась. – Надо готовиться к торжеству, а то через четыре дня вернутся мои родители... Наверное, напрасно я вас побеспокоила, но мне просто необходимо было с кем-нибудь поговорить. Зря я паникую, – она встала, показывая, что разговор окончен. Мы поднялись следом. – Сейчас столько дел... Родители возвращаются из Индии... Была рада с вами позна-

комиться, мистер Холмс, и с вами, доктор Уотсон, – подавая нам руку. – Я думаю, что мы ещё обязательно увидимся. Спасибо, что выслушали меня.

Мы поочередно пожали ей руку, и она быстро удалилась, оставив в гостинной слегка уловимый аромат розы...

Вернувшись после того как проводил мисс Харрис, я нашёл Холмса сидящим в его кресле с выражением глубокой задумчивости.

– Вас что-то беспокоит, мой друг? – спросил я его.

– Да, Уотсон, как-то это всё странно.

– Но мне думается, здесь нет ничего странного. – И я высказал свои мысли по поводу этого дела, касающиеся либо финансовых, либо любовных вопросов.

– Может, вы и правы, мой друг, но мне почему-то думается, что здесь всё не так просто, как кажется на первый взгляд. И боюсь, что нам остается только ждать, хотя, я думаю, мы с вами могли бы навестить наших старых знакомых завтра в их старом доме.

Но, к сожалению, нам это сделать не удалось. В полночь прибыл посыльный от инспектора Круга, который сообщил об убийстве и просил срочно приехать к нему. Холмс быстро собрался и спросил, поеду ли я с ним, на что я сразу согласился, так как всё равно был разбужен и в то же время заинтригован предстоящей поездкой на место преступления.

То место, куда мы прибыли в кэбе посыльного, оказалось грязным переулком, соединяющим две улицы, отходящие от набережной Темзы, недалеко от Соуф-варк мост.

Несколько в стороне от тела стоял инспектор Круг, два констебля вместе с ним образовали треугольник предполагаемого места преступления. Холмс, выйдя из кэба, сразу же начал осмотр подходов к распростёртому на земле труп, предварительно взяв фонарь у полицейского, приехавшего с нами. Я осторожно, обходя маршрут поиска Холмса, приблизился к инспектору и перекинулся с ним несколькими фразами. Ну а мой друг, казалось, не замечал никого и ничего, кроме того, что находилось в той узкой полосе, которую он исследовал. Так происходило практически всегда, поэтому общий «сценарий» мне был хорошо известен. Иногда до нас долетали обрывки ругательств, которыми мой друг награждал всех, кто своими передвижениями уничтожил те ценнейшие следы преступления, из-за отсутствия которых он мог что-то упустить.

Постепенно Холмс приблизился к труп и осветил его. До этого я мало обращал внимания на того, кто лежал неподалёку, но луч света заставил меня вскрикнуть от неожиданности. Я узнал лежащего – это был мистер Уилбри, тот, о котором мы говорили несколько часов назад! И, как ни странно, Холмс не остался равнодушным. Он застыл на некоторое время, но потом, осмотрев рану на затылке, нанесённую, судя по всему, тупым оружием, поднялся и заговорил с ожидавшим его инспектором.

– Здравствуй, инспектор. Спасибо, что пригласили нас.

– Доброй ночи, мистер Холмс. Да я и не думал о вас. После того, как мы отвезли мистера Домбре, – мы с Холмсом переглянулись, – второго пострадавшего, – добавил инспектор Круг, – домой, здесь недалеко – буквально десять минут, – я передал его слуге, Питеру, который сильно беспокоился за своего хозяина и попросил меня пригласить вас для расследования этого преступления, так как, как я понял, вы уже имели честь оказывать помощь его хозяину в свое время.

– Да, это действительно так. И что вы думаете обо всём случившемся?

– Вроде бы дело не представляет собой ничего сложного, обычное ограбление. О нём сообщила свидетельница – старуха, которая видела нападавших, и, как только они ушли, бросилась звать полицейского, который в тот момент находился в начале этого переулка на набережной, – инспектор махнул в сторону Темзы, – и, как утверждает, не видел и не слышал ничего подозрительного. Впрочем, здесь нет ничего удивительного. Если идти вон туда, – инспек-

тор показал правой рукой в направлении неказистого здания, то там есть проход на соседнюю улицу, так что, вполне возможно, преступники воспользовались именно им. В качестве оружия они выбрали топор, который и остался на месте преступления. Он, как вы можете видеть, обладает характерными чертами, так что можно будет попытаться найти хозяина.

– А что говорит мистер Домбре? Как я понял, он пришёл в сознание, раз вы смогли доставить его домой.

– Он ничего не говорит, находится в шоковом состоянии, и возможно, от удара по голове получил сотрясение мозга. Когда мы его нашли, он лежал вот здесь, – он указал на землю рядом с трупом мистера Уилбри. – А о том, кто он такой, мы узнали из визитных карточек на имя Андрэ Домбре, которые были при нём в большом количестве. Ну а так как в них ещё указывался и адрес, и это было недалеко, то, доставив его туда, убедились при помощи того же Питера, что это и есть его хозяин. Также от Питера узнали и имя убитого. Им оказался сводный брат хозяина, мистер Уилбри. Я вижу, вы совсем не удивлены?

– Да, всё верно, – выслушав инспектора, промолвил Холмс. – А старуху задержали?

– Нет, а зачем? Она дала показания на месте, и из них следует, что она ничего не видела.

– Может оказаться, что она и есть главный подозреваемый!

– То есть как? – инспектор был явно удивлён словами моего друга.

– Дело в том, инспектор, что я не обнаружил других мужских следов, а только пострадавших.

– Но старуха, кстати, была гораздо ниже ростом, чем мистер Уилбри, и, следовательно, не могла нанести того удара, который мы видим, – промолвил инспектор Круг, во все глаза глядя на Холмса.

– Я это знаю. И тем не менее. Как вариант этого объяснения, – продолжил Холмс, – данный топор не является орудием преступления, а подброшен для того, чтобы ввести нас в заблуждение. – Инспектор выглядел обескураженным. Ну а после слов Холмса, – Вы её данные записали? – совсем поник. И если бы не раннее утро, то, я думаю, мы бы увидели его поблевшее лицо.

– Здесь есть полицейский, который видел старуху? – спросил Холмс.

– Да. Джек Сойер! – позвал инспектор, и к нам приблизился долговязый констебль. – Расскажите мистеру Холмсу всё, что вы знаете.

– Я стоял около реки, когда услышал приглушённый женский крик. Я не смог точно определить, откуда он доносился, поэтому остался стоять, оглядываясь вокруг себя, в надежде, что крик повторится, либо мне удастся определить его источник. Через некоторое время я увидел старуху, спешащую ко мне, и, поняв, что произошло что-то неладное, я бросился к ней. Она рассказала, что шла по улице и что увидела...

– Я понял, Сойер. Вы мне лучше скажите следующее: как она выглядела?

– Как? – констебль задумался. Вопрос его явно поставил в тупик. – Как обычная старуха: невысокая, сгорбленная, толстая, в шерстяной кофте и платке, закрывающем лицо. Была на ней ещё какая-то бесформенная юбка непонятного цвета, да, и ещё, – констебль просиял, – она припадала на правую ногу.

– На правую, говорите, – Холмс задумался. – А покажите-ка мне, уважаемый, где вы её увидели?

Констебль показал на молодой тополь, росший чуть в стороне от дороги, ведущей к месту преступления.

– Вы уверены, Сойер? – Холмс выглядел обеспокоенным.

– Да, именно оттуда. Я ещё удивился...

Но Холмс его уже не слышал, он, как гончая, увидевшая зайца, помчался по направлению к тополю. Сыщик близко припадал к земле и порой совершал такое, что у меня складывалось впечатление, будто я нахожусь на каком-то представлении... Но не прошло и десяти

минут, как мой друг закончил осмотр и направился к нам. Его лицо было задумчиво и весело одновременно.

– Так значит, она была толстой и припадала на правую ногу, Сойер? – Холмс усмехнулся.

– Да, сэр, – констебль непонимающе смотрел на моего друга.

– Её рост составляет пять футов пять дюймов, вес не более 100–110 фунтов и она явно не хромает.

– Я сейчас же объявлю её в розыск... – только и произнёс инспектор, негодуя, глядя на обескураженного констебля, который явно хотел побыстрее покинуть наше общество.

– И это будет правильно. Хотя удастся ли её найти – слишком мало примет? Однако у нас есть главная улика – топор хозяина, которого и следует искать. Обратите внимание на рукоятку топора, она очень примечательна своими узорами. Но, мне думается, этот топор был специально выбран.

– Пожалуй, – согласился инспектор. – Зато через него, если его хозяин ни при чём, возможно, сумеем выйти на причастных к этому делу...

– ...или не сможем. У вас какой план действий, инспектор?

– Прежде всего, займусь поиском старухи и хозяина топора, ну а ближе к двенадцати опросом потерпевшего.

– Всё правильно. Вы не будете возражать, если и мы присоединимся и навестим мистера Домбре вместе с вами?

– Конечно, нет, мистер Холмс. Я буду сообщать вам о своих продвижениях, но и вы не оставляйте меня без информации, если что-то обнаружите.

– Безусловно, инспектор Круг. До встречи.

– До встречи.

И мы с моим другом отправились искать кэб, чтобы добраться до дома. Было уже светло, когда мне удалось лечь в постель.

Меня разбудил стук в дверь. Глаза мои слипались, и сильно хотелось спать. Ночное убийство сразу возникло в моей памяти и заставило окончательно проснуться.

– Я сейчас встаю, – слабым от сна голосом произнёс я.

– Поторопитесь, мой друг, – услышал я голос за дверью. – Вы мне сегодня нужны. Завтрак ждёт вас.

Поняв, что не встать уже нельзя, я в последний раз потянулся. Наскоро приведя себя в порядок, я спустился к столу и с удовольствием позавтракал омлетом с ветчиной. Всё то время, пока я наслаждался едой, Холмс сидел в кресле и изучал свежие газеты. Покончив с завтраком, я произнёс:

– Я к вашим услугам, Холмс. Что нам сегодня предстоит?

– Прежде всего, простите меня великодушно за нарушенный сон, но обстоятельства складываются таким образом, что мне необходима консультация врача. Нужно осмотреть нашего общего знакомого мистера Домбре.

– Но мы же договорились с инспектором на двенадцать. К чему такая спешка? Да и разве у него нет своего лечащего врача?

– Врач у него, безусловно, есть, однако нужен независимый эксперт, да и вы знаете потерпевшего. Кроме того, вы неплохой психолог, что крайне важно в этом деле. Ну а насчёт спешки... Я хотел заехать к мисс Харрис и взять её с собой. Хотя вполне возможно, что она уже там.

– Я всё понял Холмс. Едем?

– Да, – Холмс помедлил. – У меня нехорошие предчувствия.

Предчувствия Холмса не обманули. Это стало понятно ещё перед домом мисс Харрис. Около него стоял полицейский кэб, а рядом с дверью – здоровенный сержант.

– Видимо, мы опоздали, – с беспокойством произнёс Холмс. – Мне думается, мы были на место очередного преступления. Пойдёмте быстрее, мой друг.

Выйдя из кэба и подойдя к дому, Холмс попросил позвать инспектора, занимающегося этим делом. И через несколько минут мы в сопровождении крайне удивлённого нашим появлением инспектора Круга, с которым расстались совсем недавно, прошли в дом мисс Харрис и проследовали к тому месту, где и произошло преступление. Это оказалась спальня несчастной мисс Харрис, расположенная на втором этаже. Она представляла собой жуткое зрелище. В ней всё было перевернуто вверх дном и посреди этого развала, на полу, в ночной рубашке вниз лицом лежала сама хозяйка. На её затылке из-под волос виднелся крупный узел – судя по всему, она была задушена чулком, что вскоре и подтвердилось. Других повреждений на её теле не было видно.

– Что же здесь произошло, инспектор? – спросил Холмс.

– Ограбление, мистер Холмс. Преступник проник в комнату мисс Харрис уже под утро, и, видимо, это обстоятельство дало ему возможность расправиться с ней без шума, во сне, так как следов борьбы, несмотря на развал, не наблюдается.

– Вы уже всё осмотрели?

– Да. Грабитель попал в комнату через окно по дереву, растущему рядом с домом. При осмотре окна обнаружилась интересная деталь. Не хотите взглянуть, Холмс?

Они прошли к окну, и Холмс, быстро осмотрев раму окна, произнёс:

– Значит, вы хотите сказать, что преступник проник в дом совсем не через окно, либо через него, но ему его открыли изнутри?

– Да, именно так. Ну а потом была создана иллюзия обратного, так как, однозначно, подобное нельзя проделать снаружи.

– То есть, получается следующее: окно могла открыть хозяйка, а это значит, она знала убийцу, либо кто-то из прислуги. И чтобы замести следы, создали подобное, – он показал на комнату. – Надо ещё проверить версию с возможным отравлением убитой, а уже потом удушением её. А кто вызвал полицию?

– Служанка. Она рассказала, что её хозяйка обычно рано встаёт, но сегодня этого не произошло. Когда прошло достаточно времени, она решила побеспокоить мисс Харрис, но та ей не ответила. Зайдя в комнату и увидев всё это, служанка сейчас же вызвала полицию.

– Сколько ещё слуг в доме?

– Ещё четверо. Я их всех задержал, так как после осмотра стало ясно: преступник не мог попасть в комнату самостоятельно.

– А другие комнаты осмотрели? – продолжал спрашивать Холмс, исследуя место преступления.

– Конечно, мистер Холмс, безрезультатно. Неожиданно Холмс притронулся к ковру носом.

– Я тоже обратил на это внимание, – с чувством собственной значимости произнёс инспектор.

– Смола?

– Да. А отсюда можно сделать вывод, что преступник всё же проник через окно, и точно так же ушёл. А вот что я нашёл на дереве, – он протянул обрывок материи, на котором явно виднелись полосы морской тельняшки. – Это было на сучке дерева. Судя по всему, грабитель зацепился за него, когда прыгал. Однако найти следы приземления не удалось, так как почва внизу замощена булыжником.

– Складывается впечатление, что это английский моряк, списанный на берег... – задумчиво произнёс Холмс, и неожиданно спохватившись, спросил: – А что пропало?

– Как ни странно, почти ничего. Только шкатулка с драгоценностями, которая стояла у зеркала. Но при этом кольцо, лежащее рядом с ней, осталось.

– Ну, а кроме кольца что-то ещё ценное было в комнате?

– Конечно, и довольно много. Служанка показала место, где хранились деньги и другие драгоценности. Но почему-то грабитель больше заинтересовался вот этими полками, – и инспектор показал на этажерку, на которой стояли книги. Рядом с ней валялись бумаги и фотографии, а также стулья, одежда... Но создавалось впечатление, что все эти вещи попали на пол не в процессе поиска чего-либо, а были аккуратно положены. И я решил обратить на это внимание двух уважаемых сыщиков:

– Инспектор, а вам не кажется странным этот беспорядок?

– Bravo, Уотсон! – воскликнул Холмс. – Вы правы – это не грабёж, это что-то другое. Остаётся понять, что было нужно преступнику, если его не интересовали деньги. А бумаги, случайно, никакие не пропали?

– Это сложно сказать. Но, я думаю, всё очень скоро выяснится, когда мы произведём опись всех вещей.

– Ну что же, спасибо, инспектор. Вы отлично поработали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.